Шопоголик и брачные узы

Автор:
Софи Кинселла

Шопоголик и брачные узы

Софи Кинселла

Шопоголик #3

На этот раз Бекки вляпалась основательно. И дело совсем не в просроченной кредитке, а в свадьбе – событии, которого каждая девушка ждет с нетерпением. Не сумев отказать родным, Бекки попадает в историю, больше похожую на неразрешимый квест. Ей нужно сыграть две свадьбы – в одно и то же время, с одними и теми же гостями, но на разных континентах! В Лондоне ждут любимые мама и папа, а в Нью-Йорке свекровь уже колдует над вечеринкой столетия. Как же совместить два торжества, не обидеть родителей и воплотить в реальность детскую мечту об идеальной свадьбе? Бекки придется продемонстрировать всю свою изобретательность, ведь нужно спешить – надеяться на чудеса не приходится!

Софи Кинселла

Шопоголик и брачные узы

Sophie Kinsella

SHOPAHOLIC TIES THE KNOT

Copyright © 2002 by Sophie Kinsella

© Селиверстова Д., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается Абигайль, которая в порыве озарения нашла гениальное решение

Второй объединенный банк

Уолл-стрит, 300

Нью-Йорк

Миз Ребекке Блумвуд

Одиннадцатая Вест-стрит, 251,

апартаменты Б

Нью-Йорк

7 ноября 2001 года.

Дорогая миз Блумвуд.

Новый совместный счет №: 5039 2566 2319

Мы рады подтвердить Ваш новый объединенный банковский счет с мистером Люком Дж. Брендоном и прилагаем необходимые документы. Приходная карточка будет выслана в отдельном конверте.

Мы, сотрудники Второго объединенного банка, гордимся индивидуальным подходом к каждому клиенту. Пожалуйста, свяжитесь со мной лично, если у Вас возникнут какие-либо вопросы, и я окажу любую посильную помощь. Даже самые незначительные проблемы мы не оставим без внимания.

С наилучшими пожеланиями,

искренне Ваш

Уолт Питман,

начальник отдела по работе с клиентами.

Второй объединенный банк

Уолл-стрит, 300

Нью-Йорк

12 декабря 2001 года.

Дорогая миз Блумвуд.

Благодарю за Ваше письмо от 9 декабря касательно Вашего совместного счета с мистером Люком Дж. Брендоном. Я согласен, что отношения между банком и клиентом должны носить дружеский характер и способствовать взаимному

сотрудничеству, и, отвечая на Ваш вопрос, сообщаю, что мой любимый цвет – красный.

Я сожалею, однако, что не могу переименовать статьи Ваших расходов, как Вы предлагаете. В следующем уведомлении этот пункт будет озаглавлен «“Прада”, Нью-Йорк», а не «Счет за газ».

Искренне Ваш

Уолт Питман,

начальник отдела по работе с клиентами.

Второй объединенный банк

Уолл-стрит, 300

Нью-Йорк

Миз Ребекке Блумвуд

Одиннадцатая Вест-стрит, 251,

апартаменты Б

Нью-Йорк

7 января 2002 года.

Дорогая миз Блумвуд.

Спасибо за Ваше письмо от 4 января касательно Вашего совместного счета с мистером Люком Дж. Брендоном и за шоколадки, которые я вынужден вернуть. Я согласен, что вести учет всем купленным мелочам очень трудно. Я был весьма опечален, узнав о «странном маленьком недопонимании», возникшем между Вами и мистером Брендоном.

К сожалению, не представляется возможным разбить уведомление о выплатах, как Вы предлагаете, на две половины и послать одну Вам, а другую – мистеру Брендону, оставив это «нашим маленьким секретом». Все доходы и издержки являются общими. Потому это и называется совместным счетом.

Искренне Ваш

Уолт Питман,

начальник отдела по работе с клиентами.

1

Порядок. Без паники. Я могу это сделать. Это определенно возможно. Всего-то дел – слегка подвинуться влево, поднапрячься, подтолкнуть посильнее… Ну же, давай! Каково это, по-вашему, – запихивать в нью-йоркское такси бар для коктейлей?

Я покрепче обхватываю полированное дерево, глубокий вдох – и еще один бесплодный рывок. В Гринич-Виллидж стоит безоблачный зимний день – один из тех, когда воздух густотой напоминает зубную пасту, то и дело перехватывает дыхание, а люди ходят в шарфах как в намордниках. Но я вся в поту. Физиономия раскраснелась, волосы выбились из-под новенькой казацкой шапки и падают на глаза; готова спорить – с той стороны улицы публика, рассевшаяся у окошек кафе «Джо-Джо», от души наслаждается бесплатным шоу.

Но сдаваться я не собираюсь. Уверена, у меня все получится.

Должно получиться – не выкладывать же несусветную сумму за доставку, если я живу тут рядышком, за углом.

– Не пройдет, – с убежденным видом заявляет таксист, выглянув из окошка.

– Пройдет! Я уже засунула две ножки…

Еще один отчаянный толчок. Пропихнуть бы оставшиеся две, хоть как-нибудь… Это все равно что волочь пса к ветеринару.

– И к тому же я не застрахован, – добавляет таксист.

– Неважно! Здесь ехать-то две улицы. Я буду держать это всю дорогу. Все будет прекрасно!

Таксист вскидывает бровь и ковыряет во рту грязной зубочисткой.

– И вы полагаете, что поместитесь сюда вместе с этой хренью?

– Втиснусь! Как-нибудь справлюсь! – В отчаянии я снова пихаю бар, и он сплющивает переднее сиденье.

– Эй! Повредите мою машину – будете платить.

– Извините, – хриплю я, – сейчас попробую по-другому, наверное, я выбрала неправильный угол…

Я как можно осторожней вытаскиваю свое сокровище из такси обратно на тротуар.

– Кстати, а что это за чертовщина такая?

– Это бар для коктейлей 1930 года! Смотрите, верх опускается… – Я отмыкаю переднюю створку и с гордостью демонстрирую зеркальную отделку. – Вот сюда ставят стаканы… А это набор из двух шейкеров…

Я с восхищением провожу рукой по своему приобретению. Как только я увидела бар в витрине «Артурз Антикс», мне стало ясно, что я должна его заполучить. Конечно, я помню наш с Люком маленький уговор: больше никакой мебели для нашей квартиры, но ведь антиквариат – совсем другое дело! Настоящий бар для коктейлей, совсем как в фильмах Фреда Астера и Джинджер Роджерс! Он полностью преобразит наши вечера. Теперь мы с Люком будем смешивать мартини, танцевать под ретропесенки и любоваться закатом! Это создаст такую атмосферу! Придется купить старинный проигрыватель с граммофонной трубой, мы начнем коллекционировать пластинки на семьдесят восемь оборотов, а я буду носить шикарные платья.

И может быть, к нам на коктейли начнут захаживать гости. Наши суаре прославятся. В «Нью-Йорк таймс» напишут о нас статью! Да! «Час коктейля был возрожден в элегантной манере в Вест-Виллидж. Стильная британская пара – Ребекка Блумвуд и Люк Брендон…»

Дверца такси с шумом распахивается, и, подняв голову, я, к некоторому своему изумлению, вижу, что шофер вылезает наружу.

– О, спасибо! – восклицаю я с признательностью. – Если вы чуть-чуть поможете, я справлюсь. Нет ли у вас веревки? Мы привяжем его к крыше…

– Никаких крыш. Никаких поездок. – Таксист с грохотом захлопывает дверцу со стороны пассажирского сиденья, и я с ужасом смотрю, как он усаживается за руль.

– Вы не можете просто так взять и уехать! Есть закон! Вы должны меня взять. Это распоряжение мэра!

– Насчет баров для коктейлей мэр не распоряжался. – Таксист закатывает глаза и заводит двигатель.

– Но как же я отвезу это домой?! – в негодовании кричу я. – Подождите! Вернитесь!

Но такси уже мчится прочь по улице, а я торчу посреди тротуара, цепляясь за бар для коктейлей и ломая голову, как теперь быть.

Правильно. Ищи другой выход. Может, донести его до дома? Здесь недалеко.

Я раскидываю руки пошире и ухватываю-таки бар с обеих сторон. Медленно отрываю от земли… шаг вперед… и бар тотчас бухается на землю. Черт, ну и тяжесть. Кажется, я потянула мышцу.

Ладно, поднять его мне не по силам. Но все равно дотащить бар до нашего дома проще простого. Надо лишь переставить пару ножек вперед на несколько дюймов… А потом следующую пару…

Да! Это идея. Скорость, конечно, черепашья, но если набраться терпения… И войти в ритм…

Левую сторону… Правую…

Главное – не задумываться, как долго я буду колупаться, а просто продвигаться потихоньку. Домой я, правда, опоздаю.

Две девчонки-школьницы в теплых пальто, хихикая, проходят мимо, но я слишком занята, чтобы на них реагировать.

Левую сторону… Правую…

– Извините, – раздается резкий голос, – не могли бы вы не перегораживать тротуар?

Я оборачиваюсь и обнаруживаю, что на меня надвигается женщина в бейсболке, и на поводках у нее с десяток псин всевозможных мастей и размеров.

Чего я никогда не могла понять – так это почему люди не хотят сами выгуливать собственных собак? Не любишь гулять – заводи кошку. Или аквариум с тропическими рыбками.

И вот теперь эти собаченции прут прямо на меня. Тявкают, гавкают, дергают поводки и… поверить не могу! Пудель задирает лапу прямо на мой прекрасный бар для коктейлей!

– Прекрати! – ору я. – Уберите эту собаку!

– Пойдем, Фло, – обращается женщина к собаке, испепеляет меня ненавидящим взглядом и тащит своих шавок прочь.

Безнадежно. Только полюбуйтесь, как далеко я продвинулась. Не добралась и до конца витрины «Артурз Антикс», а сил уже никаких.

– Итак, – сухо произносят у меня за спиной, – может, вы все-таки предпочтете доставку?

Обернувшись, я вижу Артура Грэма, владельца «Артурз Антикс», – он стоит, прислонившись к косяку, в дверях своего магазина, весь такой опрятный, в пиджаке и при галстуке.

– Не уверена. – Я приваливаюсь к бару, стараясь изобразить беззаботность. Как будто у меня есть другие варианты, кроме как торчать столбом посреди тротуара. – Возможно.

– Семьдесят пять долларов, любое место на Манхэттене.

А на фига мне любое место на Манхэттене? Я же тут, за углом живу!

Артур одаривает меня улыбкой, исполненной непреклонности. Знает, гад, что выиграл.

– Ладно. – Я признаю себя побежденной. – Пожалуй, идея неплохая.

Я слежу, как Артур подзывает типчика в джинсах – тот приближается и с раздраженным видом поднимает бар так, словно он из бумаги, – а потом отправляюсь следом за ними в теплый, забитый всевозможным старинным барахлом магазин. Невольно глазею по сторонам, хотя была здесь всего минут десять назад. Обожаю это местечко. Куда ни повернись – повсюду классные штучки, которые так и тянет купить. Вон тот резной стул, например, или это расшитое вручную бархатное покрывало… И вы только взгляните на эти изумительные дедушкины часы! Каждый день здесь появляется что-нибудь новенькое.

Не то чтобы я хожу сюда каждый день.

Просто… сами понимаете. Присматриваюсь.

– Вы сделали превосходную покупку, – говорит Артур, глядя на мой бар. – У вас наметанный глаз. – Он улыбается и пишет что-то на квитанции.

– Я в этом не слишком уверена, – отвечаю я и скромно пожимаю плечами.

Хотя подозреваю, что именно так дело и обстоит: глаз у меня и вправду наметанный. Каждое воскресенье мы с мамой смотрели по телевизору «Антикварные гастроли»[1 - Популярная программа на Би-би-си, в которой антиквары-профессионалы разъезжают по стране и оценивают старинные предметы, картины и т. п. – Здесь и далее примеч. ред.], так что, вероятно, какие-то навыки у меня выработались.

– Прекрасная вещь, – замечаю я с видом знатока, кивая на большое зеркало в золоченой раме.

– Да, – отзывается Артур. – Хоть и современная…

– Само собой, – торопливо говорю я.

Разумеется, я вижу, что эта штука современная. Просто прекрасная вещь… с учетом того, что она современная.

Артур поднимает на меня глаза.

– Посуда для бара вас не интересует? Высокие бокалы… сифоны… У нас бывают очень оригинальные.

– О да-а-а! – Я широко улыбаюсь. – Конечно!

Высокие бокалы тридцатых годов! Сами подумайте – кому захочется пить из современных дрянных стаканов, когда есть антиквариат?

Артур открывает свою большую книгу в кожаном переплете, надпись на котором гласит: «Коллекционеры», и я преисполняюсь гордостью. Я – коллекционер! Круто, правда?

– Мисс Ребекка Блумвуд… Принадлежности для бара тридцатых годов. Ваш номер у нас есть, так что, как только что-то появится, я позвоню. – Артур пробегает глазами по странице. – Вас, я вижу, еще интересовали вазы венецианского стекла?

– Ой! Да, конечно…

Я и забыла про коллекционирование венецианских ваз. Честно говоря, не помню, куда и первую-то подевала.

– А также карманные часы девятнадцатого века… – Его палец скользит по строчкам. – Формочки для желе… Подушечки для иголок… – Артур поднимает голову. – Все эти вещи до сих пор актуальны?

– Ну… Пожалуй, карманные часы мне уже не так нужны. И формочки тоже.

– Понятно. А викторианские десертные ложечки?

Десертные ложечки? На кой черт мне понадобилась груда старых десертных ложек?

– Знаете что, – задумчиво произношу я, – скорее всего, я остановлюсь только на принадлежностях для бара тридцатых годов. Соберу по-настоящему хорошую коллекцию.

– По-моему, это мудро. – Артур улыбается мне и принимается вычеркивать строки из списка. – Увидимся.

Я выхожу из магазина, и улица встречает меня обжигающим холодом, в воздухе кружат редкие снежинки. Меня переполняет чувство глубочайшего удовлетворения. Ведь это фантастическое капиталовложение. Настоящий бар для коктейлей тридцатых годов – а скоро я подберу еще и коллекцию посуды к нему! Меня распирает от гордости.

Кстати, а зачем я выходила из дома?

Ах да. За двумя стаканчиками капуччино.

Уже год мы живем вдвоем в Нью-Йорке, на Одиннадцатой Вест-стрит, в зеленом, по-настоящему красивом районе со свежим воздухом. Все дома здесь с причудливыми балкончиками, а вдоль тротуаров высажены деревья. Прямо напротив нас кто-то постоянно наигрывает джазовые мелодии на пианино, и летними вечерами мы взбираемся на плоскую крышу, которую делим с соседями, разваливаемся на подушках, потягиваем вино и слушаем музыку (по крайней мере, однажды мы так делали).

Ввалившись в дом, я обнаруживаю в холле стопку корреспонденции, которую тотчас просматриваю.

Скука…

Скука…

Британский «Вог»! Ха!

Скука…

Ой. Мой счет из «Сакс» на Пятой авеню.

С минуту я пялюсь на конверт, а потом отправляю его в сумку. Это вовсе не означает, что я его спрятала. Просто Люку совершенно незачем его видеть. Я недавно прочитала статью «Не слишком ли много информации?» в одном очень хорошем журнале, и там говорилось, что надо отсеивать некоторые из происшедших за день событий, а не забивать утомленный разум друга или подруги всякими пустяками. Там было сказано, что дом – это убежище, и никто совсем не обязан знать все. С этим нельзя не согласиться.

Так что в последнее время я отсеиваю очень многое. Разные скучные, обыденные мелочи… к примеру, вроде счетов или стоимости новой пары туфель… И знаете что? Теория, по-видимому, абсолютно правильная: она буквально изменила наши

отношения.

Сую оставшуюся почту под мышку и топаю вверх по лестнице. Писем из Англии нет, но сегодня я их и не ждала. Потому что сегодня… угадайте, что?! Мы летим домой! На свадьбу моей лучшей подруги Сьюзи! Дождаться не могу.

Сьюзи выходит замуж за Таркина – действительно славного парня, которого она знает всю жизнь. (Вообще-то он ее кузен. Но это законно. Они выясняли.) Свадьбу собираются праздновать в Гэмпшире, в доме родителей Сьюзи, – море шампанского, и лошадь, и экипаж… А самое главное – я буду подружкой невесты!

При этой мысли у меня ноет под ложечкой. Как я этого жду… Не только того, что стану подружкой невесты, но и того, что увижу Сьюзи, родителей, свой дом. Вчера до меня дошло, что я уже полгода не была в Британии, – это же целая вечность. И я пропустила, как папу выбрали капитаном гольф-клуба, а ведь это была цель всей его жизни. А скандал, когда Шиобан украла в церкви деньги и удрала на Кипр! А самое главное – я не присутствовала на помолвке Сьюзи, пускай даже она и примчалась в Нью-Йорк две недели спустя и показала мне кольцо.

Не подумайте, что я жалуюсь, – ведь мне здесь по-настоящему хорошо. Моя работа у «Берниз» просто превосходная, и жизнь в Вест-Виллидж замечательная. Обожаю бродить по маленьким улочкам, покупать пирожки к чаю в пекарне «Магнолия» субботним утром, а возвращаться через рынок. Вообще мне нравится все, что у меня есть здесь, в Нью-Йорке. Кроме мамочки Люка, пожалуй.

И все же. Дом есть дом.

Из-за двери нашей квартиры доносятся звуки музыки, и сердце замирает от предвкушения. Это же трудится Дэнни! Может, он уже закончил! Мое платье готово!

Дэнни Ковитц живет этажом выше, в квартире своего брата; с тех пор как я поселилась в Нью-Йорке, он стал моим лучшим другом. Дэнни великолепный, несомненно талантливый дизайнер – но пока еще он не добился громкого

успеха.

Честно говоря, он вообще никакого успеха не добился. Минуло пять лет с того дня, как Дэнни закончил школу модельеров, – и до сих пор дожидается своего шанса. Но, как он говорит, стать известным модельером потруднее, чем звездой экрана. Если не знаешься с нужными людьми и никто из экс-битлов не ходит у тебя в папашах – забудь об успехе. Я всегда переживала за Дэнни: уж кто-кто, а он успех заслужил. И, как только Сьюз предложила мне быть подружкой невесты, я обратилась к Дэнни с просьбой сшить для меня платье. Вся соль в том, что на свадьбу Сьюз явится целая толпа богачей и знаменитостей. Глядишь, меня заприметят и начнут наперебой спрашивать, кто мой портной, имя Дэнни будет переходить из уст в уста – и карьера ему, считай, обеспечена!

Мне не терпится увидеть, что же он сотворил. Наброски, которые Дэнни показывал мне, были изумительны – а платье, сшитое на заказ, конечно, отличается куда более тщательной отделкой, чем то, что продается уже готовым. Корсет, например, будет с костяными пластинами, украшенный ручной вышивкой. И еще Дэнни предложил маленький бантик с блестками – правда, необычно?

Единственное, что меня немного – совсем чуть-чуть – беспокоит, это что до свадьбы всего два дня, а платье я до сих пор не примерила. И даже не видела. Этим утром я названивала Дэнни в дверь – напомнить, что уезжаю сегодня в Англию, и когда он наконец доплелся до порога, то пообещал закончить все к обеду. Сказал, что у него манера такая – замысел должен дозревать до самой последней минуты, – и тогда происходит всплеск адреналина и вдохновения, и он начинает работать с необыкновенной быстротой. Он всегда только так и работает, заверил Дэнни, и ни разу еще не пропустил назначенный срок.

Я открываю дверь с беззаботным «Привет!». Ответа нет, и я заглядываю в комнату, служащую нам сразу для многих целей. По радио надрывается Мадонна, в телевизоре гремит MTV, а механическая собачка – последнее приобретение Дэнни – пытается вскарабкаться на диван.

А Дэнни, окутанный облачком золотого шелка, спит беспробудным сном, пристроив голову на швейной машинке.

– Дэнни! – в ужасе кричу я. – Эй! Просыпайся!

Дэнни подскакивает как ужаленный и принимается тереть свою худую физиономию. Кучерявые лохмы торчат во все стороны, а светло-голубые глаза налиты кровью еще сильнее, чем поутру, когда мы с ним виделись. На костлявом торсе болтается поношенная серая майка, тощую коленку, выпирающую из дыры в джинсах, украшает ссадина – Дэнни заработал ее, катаясь в эти выходные на роликах. Сейчас Дэнни смахивает на десятилетнего подростка, заросшего щетиной.

– Бекки! – блеет он. – Привет! Ты что тут делаешь?

– Это моя квартира. Вспомнил? Ты работаешь здесь, потому что у тебя пробки выбило.

– А, да… – Дэнни обводит комнату затуманенным взором. – Точно.

– Ты в порядке? – Я с тревогой всматриваюсь в его лицо. – А то у меня кофе есть.

Я приношу чашку, и Дэнни делает два глубоких глотка. Потом его взгляд сосредотачивается на пачке корреспонденции у меня в руках, и только тут он начинает просыпаться по-настоящему.

– Эй, это что, британский «Вог»?

– Э-э… да. – Я кладу журнал так, чтобы Дэнни было сложно до него дотянуться. – Так что с платьем?

– Все классно! Под полным контролем.

– Можно его примерить?

Пауза. Дэнни пялится на лежащую перед ним гору золотого шелка, будто видит ее впервые в жизни.

– Нет, еще нет, – выдавливает он наконец.

– Но оно будет готово вовремя?

– Конечно! На все сто! – Дэнни ставит ногу на педаль, и машинка начинает деловито жужжать. – Бекки, – кричит он, перекрывая шум, – стакан воды сейчас был бы в самый раз!

– Сию минуту.

Я кидаюсь на кухню, поворачиваю кран и жду, когда пойдет холодная вода. Система водоснабжения в этом здании весьма эксцентричная, и мы вечно капаем на мозги нашей домовладелице, миссис Уоттс, что с водой надо бы разобраться. Но миссис Уоттс проживает за много миль отсюда, во Флориде, и ее проблемы водопровода не слишком волнуют. Однако в остальных отношениях это местечко на самом деле чудесное. По нью-йоркским меркам квартира у нас просто огромная, с паркетными полами, камином и окнами от пола и до самого потолка.

(Конечно, когда приезжали мама с папой, на них это впечатления не произвело. Во-первых, они не могли понять, почему мы не живем в отдельном доме. Во-вторых, они все удивлялись, на что годится такая маленькая кухня. Наконец они заявили, что это просто стыд – до сих пор не обзавестись собственным садом. Разве я не знаю, что наш сосед Том переехал в дом с участком в четверть акра? Кроме шуток. Вообразите участок в четверть акра в Нью-Йорке – на нем кто-нибудь тотчас отгрохает десяток офисных кварталов.)

– Хорошо! Так как… – Я вхожу обратно в комнату – и осекаюсь на полуслове. Швейная машинка бездействует, а Дэнни сидит и почитывает мой «Вог». – Дэнни! – вырывается у меня вопль. – Что с моим платьем?

– Ты это видела? – Дэнни тычет пальцем в страницу. – «Коллекция Хэмиша Фаргла продемонстрировала его чутье и живость ума», – громко читает он. – Я вас умоляю! У него талант на нуле. На нуле! Знаешь, мы с ним в школе учились. Слизал у меня одну идейку… – Дэнни смотрит на меня, и глаза у него сужаются. – В «Берниз» есть его тряпье?

– Э-э… не знаю, – вру я.

Дэнни одержим идеей поставлять свои шедевры в «Берниз». Это единственное, о чем он мечтает. А поскольку я там работаю, он втемяшил себе в голову, что я могу организовать для него встречу с главным менеджером магазина.

Собственно, я и организовала. В первый раз Дэнни опоздал на неделю, и менеджерша по закупкам умотала в Милан. Во второй раз Дэнни пришел и показал жакет. Как только менеджерша натянула жакетку на себя, отлетели все пуговицы.

И о чем я думала, когда попросила его сшить для меня платье?

– Дэнни, ты мне просто скажи. Мое платье будет готово?

Молчание длится долго.

– А его обязательно нужно закончить сегодня? – спрашивает наконец Дэнни. – Что, непременно сегодня?

– Я должна быть в самолете через шесть часов! – Мой голос превращается в писк. – И мне надо идти по проходу между скамьями в церкви меньше чем через… – Да что толку уточнять. – Ладно, не переживай. Надену что-нибудь другое.

– Что-нибудь другое? – Дэнни откладывает «Вог» и тупо таращится на меня. – Что значит – «другое»?

– Ну…

– Ты меня увольняешь? – Дэнни смотрит на меня такими глазами, будто я объявила, что настал конец нашему десятилетнему супружеству. – Только потому, что я самую малость выбился из графика?

– Я тебя не увольняю! Но сам посуди: не могу же я быть подружкой невесты без платья!

– Но что ты тогда наденешь?

– Ну… – Я в смущении стискиваю пальцы. – У меня про запас было одно платьице…

Язык не поворачивается сказать, что их вообще-то три. И два отложены в «Берниз».

– От кого?

– От Донны Каран, – виновато говорю я.

– От Донны Каран? – Голос Дэнни дрожит от такого предательства. – Ты предпочла мне Донну Каран?

– Конечно, нет! Но платье, по крайней мере, готово, и все швы на месте…

– Надень мое!

– Дэнни…

– Надень мое платье! Пожалуйста! – Дэнни бросается на пол и ползет ко мне на коленях. – Оно будет готово! Я стану работать день и ночь напролет!

– У нас нет ни дня, ни ночи. У нас осталось… часа три.

– Тогда я буду работать все три часа. Я сделаю это!

– За три часа сделаешь из отреза вышитый корсет с костяными пластинами? – недоверчиво спрашиваю я.

Вид у Дэнни смущенный.

– Гм… Можно по-новому пересмотреть модель…

– Каким образом?

Некоторое время Дэнни в задумчивости постукивает пальцами, а потом вскидывает голову.

– У тебя есть простая белая футболка?

– Футболка? – Я не могу скрыть паники.

– Это будет грандиозно. Я обещаю. – Слышится шум подъезжающего грузовика, и Дэнни выглядывает в окно. – Эй, ты что, еще антиквариата прикупила?

Час спустя я разглядываю себя в зеркало. На мне пышная юбка из золотого шелка, а сверху – белая футболка, которую теперь никто бы не узнал. Дэнни отпорол рукава, вышил узор, пристрочил кайму, заложил складки там, где их не было прежде, – и футболка преобразилась в самый фантастический топ, который я когда-либо в жизни видела.

– Я без ума от этого платья! – Я, сияя, смотрю на Дэнни. – Просто без ума! Я буду самой потрясающей подружкой невесты в мире!

– Неплохо, да? – Дэнни с небрежным видом пожимает плечами, но я-то понимаю, как он горд собой.

Я одним глотком допиваю свой коктейль.

– Восхитительно. Еще по одному?

– А что в нем было?

– Ну… – я окидываю взглядом бутылки, выстроившиеся в баре, – точно не знаю.

На то, чтобы поднять бар по лестнице и втащить его в квартиру, ушло немало времени. Честно говоря, бар оказался несколько больше, чем мне запомнилось, и я не была уверена, что он втиснется в маленький альков за диваном, как я планировала. Но смотрится бар просто сказочно! Он гордо красуется посреди комнаты, и мы уже пустили его в дело. Как только бар доставили, Дэнни поднялся к себе и совершил налет на буфет своего братца Рэндала, а я собрала у себя на кухне всю выпивку, которую смогла отыскать. Мы выпили по «Маргарите», по «Отвертке» и по коктейлю моего собственного изобретения, под названием «Блумвуд», – из водки, апельсинового сока и горошин «M&M», которые надо вычерпывать ложечкой.

– Дай-ка мне топ. Немного ушью плечо.

Я стаскиваю топ, протягиваю его Дэнни и беру джемпер, не утруждая себя ужимками скромницы. Это же Дэнни. Он продевает нитку в иголку и начинает умело присобирать материю у ворота.

– Стало быть, это твои странные кузенобрачующиеся друзья, – произносит он. – Так что они из себя представляют?

– Ничего они не странные. – Я колеблюсь мгновение. – Ну, Таркин немного странноватый. Но Сьюзи – ничуть. Она моя лучшая подруга.

Дэнни вскидывает бровь.

– И что, они не могли найти для этого дела никого другого, кроме как собственного родственника? Типа «Так, мама уже занята… сестра – слишком жирная… собака… м-м, нет, шерсть не в моем вкусе…»

– Прекрати! – Я не могу удержаться от смеха. – Просто они вдруг поняли, что созданы друг для друга.

– Прям «Когда Гарри встретил Салли». – И Дэнни декламирует, подражая голосу за кадром: – Они были друзьями. Они появились из одной пробирки.

– Дэнни…

– Ладно. – Он унимается и перерезает нитку. – А как у вас с Люком?

– Что у нас с Люком?

– Пожениться не надумали?

– Не знаю… – К щекам приливает краска. – Вообще-то мне такая мысль и в голову не приходила…

Святая правда.

Ну ладно. Не совсем правда. Может, мысль такая и приходила мне в голову – но по довольно своеобразным поводам. Скажем, когда я пару раз заглядывала в «Бекки Брендон»[2 - Известный магазин свадебных туалетов.] – просто посмотреть, что там такое. И разок-другой пролистала журнал «Свадьбы». Из самого обычного любопытства.

А может, такая мысль посещала меня еще и потому, что Сьюзи выходит замуж – а ведь они с Таркином вместе гораздо меньше, чем мы с Люком.

Но знаете что? Не так уж это и важно. Свадьбы – это не по мне. И если бы Люк сделал мне предложение, я бы наверняка ответила – «нет».

Хотя… Ладно уж. Я, наверное, ответила бы – «да».

Но все дело в том, что этого не произойдет. Люк не женится «еще очень-очень долго, если вообще когда-нибудь женится». Он сказал так в интервью «Телеграф» три года тому назад – я нашла статью в папке с газетными вырезками (я там вовсе не шарила. Просто искала… резинку). Интервью касалось в основном работы Люка, но спрашивали и о личной жизни, и подпись под фотографией гласила: «Брендон: женитьба – в последнюю очередь».

По мне – так просто замечательно. У меня этот вопрос тоже – в последнюю очередь.

Пока Дэнни заканчивает платье, я занимаюсь хозяйством: вываливаю грязные тарелки в раковину, оставив их мокнуть, тру губкой пятно на кухонном столе и расставляю по цвету баночки со специями. До чего приятная работа. Почти как в прежние времена – раскладывать фломастеры.

– Так вам, ребята, трудно живется вместе? – Стоя в дверях, Дэнни следит за моими манипуляциями.

– Нет. – Я бросаю на него удивленный взгляд. – Почему?

– Моя подружка Кирсти попробовала жить со своим парнем. Сущее бедствие. Они только и делали, что цапались. Она сказала, что не представляет, как это другим удается.

Пристраивая тмин рядом с верблюжьей кожей (это еще что такое?), я преисполняюсь гордостью. Ведь с тех пор как мы с Люком поселились вместе, у нас почти не возникало проблем. Пожалуй, кроме того случая, когда я перекрасила ванную, и золотая краска с блестками перепачкала его новый костюм. Но это не в счет, потому что Люк сам потом признал, что погорячился и любой, у кого с головой в порядке, заметил бы, что краска свежая.

Если подумать – был еще маленький, пустяковый спор из-за того, сколько я покупаю. Кажется, Люк тогда открыл дверцу гардероба и раздраженно спросил: «И когда ты собираешься все это носить?»

И еще, наверное, то небольшое препира… откровенное обсуждение, сколько часов Люк уделяет работе. Он управляет собственной компанией по связям с общественностью, «Брендон Комьюникейшнс», с отделениями в Лондоне и в Нью-Йорке, и эта компания отнимает все его время. Люк любит свою работу, и, помнится, пару раз я обвинила его в том, что ее он любит больше, чем меня.

Но в целом мы – взрослая, готовая к компромиссам пара, способная разобраться во всех вопросах. Недавно мы отправились на ланч и обстоятельно поговорили; я от души пообещала, что постараюсь поменьше покупать, а Люк от души пообещал, что постарается поменьше работать. Потом Люк вернулся в контору, а я отправилась в супермаркет за продуктами к ужину (и наткнулась там на изумительное оливковое масло с давлеными красными апельсинами – теперь просто необходимо отыскать хоть какой-нибудь рецепт).

– Искусство жить вместе требует усилий, – изрекаю я. – Надо уметь идти на уступки. Надо не только брать, но и давать.

– В самом деле?

– О да. Мы с Люком делим наши средства и повседневные обязанности… Это как командная игра. Главное – не настраиваться, что все будет как прежде. Надо приспосабливаться.

– Да ты что? – Дэнни, кажется, заинтересовался. – И кто, по-твоему, приспосабливается больше? Ты или Люк?

Я на мгновение задумываюсь и наконец произношу:

– Трудно сказать… Думаю, мы оба поровну.

– Ну а… все это, – Дэнни взмахом руки указывает на загроможденную комнату, – это по большей части твое или его?

– Гм… – Я обвожу взглядом все мои ароматерапевтические свечи, кружевные подушки, стопки журналов. На мгновение в памяти всплывает девственно чистая, спартанская лондонская квартира Люка. – Пожалуй, обоих понемножку.

В каком-то смысле это правда. Ведь в спальне есть ноутбук Люка.

– Главное – что между нами никаких трений, – продолжаю я. – Мы мыслим одинаково. Мы – как единое целое.

– Круто, – замечает Дэнни, выудив яблоко из вазы для фруктов. – Повезло вам.

– Знаю. У нас с Люком все как по нотам, – доверительно делюсь я. – И иногда между нами возникает почти что… мистическая связь.

– Правда? – Дэнни таращит глаза. – Ты серьезно?

– Да. Я всегда знаю, что он хочет сказать, а еще как бы чувствую его присутствие…

– Так ты что-то навроде экстрасенса?

– Наверное. – Я небрежно пожимаю плечами. – Это как дар. Я в это особенно не вдумываюсь…

– Приветствую, Оби ван Кеноби[3 - Герой фильма Джорджа Лукаса «Звездные войны», молодой и талантливый джедай.], – произносит глубокий голос у нас за

спиной, и мы с Дэнни едва не выскакиваем из собственных шкур.

Я разворачиваюсь – и вот он, Люк, стоит в дверях с довольной ухмылкой. Лицо раскраснелось от холода, в темных волосах блестят снежинки. Он так высок, что комната вдруг начинает казаться немного меньше.

– Люк! – вскрикиваю я. – Ты нас напугал.

– Извини, – говорит он. – Я решил, что ты почувствуешь мое присутствие.

– Что-то такое я и почувствовала, – отвечаю я с оттенком вызова в голосе.

– Конечно, почувствовала. – Люк целует меня. – Привет, Дэнни.

– Привет, – откликается Дэнни, глядя, как Люк уверенными движениями снимает свое темно-синее кашемировое пальто, расстегивает манжеты и развязывает галстук.

Однажды, когда мы крепко выпили, Дэнни спросил меня:

– Люк и любовью занимается так же, будто открывает бутылку шампанского?

Я, конечно, тогда врезала Дэнни, заявив, что это не его дело, и все же я поняла, что он имеет в виду. Люк никогда не возится, не колеблется, не теряется. Он всегда точно знает, чего хочет, и неизменно это получает – нового клиента для своей компании или что-нибудь в постели, и все с такой легкостью, с какой он откупоривает шампанское.

Ладно. Проехали. Скажем так: с тех пор как мы с Люком вместе, мои горизонты значительно расширились.

Люк просматривает почту.

– Так как дела, Дэнни?

– Спасибо, хорошо. – Дэнни кусает яблоко. – А как поживает мир крупных финансов? Моего братца сегодня не видел?

Рэндал, брат Дэнни, работает в финансовой компании, и они с Люком пару раз обедали вместе.

– Сегодня не видел, – отвечает Люк.

– Ну, когда увидишь, спроси, не прибавил ли он, часом, в весе. Как бы между прочим. Просто скажи: «Эй, да ты, никак, поправился». И брось что-нибудь вскользь насчет осмотрительности в выборе десертов. У него паранойя развилась на почве ожирения. Со смеху лопнуть можно.

– Братская любовь, – ухмыляется Люк, – разве она не прекрасна?

Перебрав всю почту, Люк слегка хмурит лоб и поворачивается ко мне:

– Бекки, уведомление о состоянии нашего счета еще не приходило?

– А-а… Нет. Еще нет. – Я подбадривающе улыбаюсь. – Думаю, завтра придет!

Это не совсем правда. Уведомление из банка пришло еще вчера, но я запихала его в ящик с бельем. Меня немного тревожат некоторые пункты, – может, мне удастся что-нибудь придумать, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Ведь, говоря по правде, что бы я там ни пела Дэнни, с нашим совместным счетом не все так просто.

Не поймите меня неправильно, я всей душой за то, чтобы делить деньги. Ладно, признаюсь как на духу: мне нравится делить деньги Люка. Но мне совсем не нравится, когда Люк вдруг спрашивает: «А эти семьдесят долларов в “Блумингдейлз” – на что?» – а я не могу вспомнить.

Внезапно меня посещает гениальное озарение. Надо пролить что-нибудь на уведомление – так, чтобы Люк не смог его прочитать!

– Приму душ, – говорит Люк, откладывая почту.

На пороге он вдруг останавливается. Очень медленно оборачивается – и его взгляд упирается в бар для коктейлей. Можно подумать, будто он ничего подобного раньше не видывал.

– Что это такое? – выдавливает Люк.

– Бар для коктейлей! – радостно сообщаю я.

– Откуда он взялся?

– Он… ну… Купила сегодня.

– Бекки… – Люк прикрывает глаза. – Я думал, мы договорились: больше никакого барахла!

– Это не барахло! Это подлинный шедевр тридцатых годов! Мы каждый вечер сможем готовить изумительные коктейли! – Что-то в выражении лица Люка действует мне на нервы, и я сбивчиво бормочу: – Послушай, я помню, что мы решили не покупать больше мебели. Но это же совсем другое. В смысле, если видишь такую уникальную вещь, ее надо хватать!

Смешавшись, я закусываю губу. Люк молча приближается к бару. Проводит рукой по крышке, потом берет шейкер… Челюсти его плотно сжаты.

– Люк, я ведь думала, что это будет так занятно! Думала, тебе понравится. Продавец в магазине сказал, что у меня наметанный глаз.

– Наметанный, – эхом отзывается Люк, словно отказываясь верить в происходящее.

И подбрасывает шейкер в воздух – я только ахнуть успеваю. С содроганием жду, как шейкер со звоном грохнется на деревянный пол… Но Люк ловко подхватывает его. Мы с Дэнни, разинув рты, следим, как он снова подкидывает шейкер, вертит его, перекатывает по руке.

Глазам не верю. Я живу с Томом Крузом!

– На летних каникулах я подрабатывал барменом, – сообщает Люк, расплываясь в улыбке.

– Научи меня, как это делается! – в возбуждении кричу я. – Я тоже так хочу!

– И я! – подхватывает Дэнни. Он берет другой шейкер, неуклюже переворачивает его и перебрасывает мне. Я пытаюсь поймать, но шейкер плюхается на диван. – Руки-крюки! – хихикает Дэнни. – Давай, Бекки, тренируйся – тебе букет на свадьбе ловить.

– Еще чего!

– Валяй! Хочется ведь быть следующей?

– Дэнни… – Я изображаю беззаботный смех.

– Вы двое определенно должны пожениться, – продолжает Дэнни, игнорируя мой выразительный взгляд, потом подбирает шейкер и принимается перекидывать его из одной руки в другую. – Это превосходно. Посмотрите на себя: живете вместе, убить друг дружку не порываетесь, и не родственники… Я бы сшил тебе ослепительное платье. – Внезапно посерьезнев, Дэнни ставит шейкер на место. – Слушай-ка, Бекки, пообещай, что если вы поженитесь, то платье тебе сошью я.

Плохо дело. Если он будет продолжать в том же духе, Люк решит, что я оказываю на него давление. И, чего доброго, подумает, что я специально подговорила Дэнни.

Надо спасать положение. Срочно.

– Вообще-то я замуж не хочу, – слышу я свой собственный голос. – По крайней мере, не в ближайшие лет десять.

– Серьезно? – Дэнни растерян. – Не хочешь?

– В самом деле? – Люк поднимает голову, на лице его какое-то странное выражение. – Я этого не знал.

– Разве? – откликаюсь я, стараясь говорить как можно небрежнее. – Ну, теперь знаешь!

– Почему ты не хочешь выходить замуж еще десять лет? – спрашивает Дэнни.

– Я… – На меня вдруг нападает кашель. – Как водится, очень многое хотелось бы сделать прежде. Например, заняться своей карьерой, и… исследовать свой потенциал, и… узнать саму себя, сформировать собственную личность.

Я умолкаю и с вызовом встречаю иронический взгляд Люка.

– Ясно, – кивает он. – Что ж, звучит разумно. – Он смотрит на шейкер у себя в руках и ставит его на место. – Пожалуй, пойду в душ.

Погодите. Он же не должен был со мной соглашаться.

2

Мы прибываем в Хитроу в семь утра на следующий день и садимся в арендованный автомобиль. Пока мы едем к дому родителей Сьюз в Гэмпшире, мои затуманенные глаза разглядывают заснеженный пейзаж, изгороди, поля и деревушки – так, словно я никогда не видела их раньше. После Манхэттена все кажется таким маленьким и… изящным. Впервые я понимаю, почему американцы всё в Англии считают «старомодным».

– Куда теперь? – спрашивает Люк на очередном перекрестке.

– Здесь точно налево. То есть… направо. Нет-нет, налево.

Пока машина ездит по кругу, я выуживаю из сумочки приглашение – проверить адрес.

Сэр Гилберт и леди Клиф-Стюарт

будут рады видеть Вас…

Словно загипнотизированная, я смотрю на крупные, с завитушками, буквы. Даже не верится, что Сьюзи и Таркин собрались пожениться.

То есть, конечно, я верю. Как-никак они уже год с лишним живут вместе, и Таркин фактически переехал в квартиру, которую я так долго делила со Сьюзи, – хотя, похоже, они все больше и больше времени проводят в Шотландии. Оба такие милые и непосредственные – все дружно сходятся на том, что они составят прекрасную пару.

Но порой, когда мысли о них застают меня врасплох, мой мозг вдруг издает вопль: «Че-его? Сьюзи и Таркин?»

Я привыкла думать о Таркине как о странном, немножко придурковатом кузене Сьюз. На протяжении многих лет он был просто нескладным парнем в допотопной куртке, да еще со склонностью распевать мелодии Вагнера в общественных местах. Таркин редко отваживался на вылазки из своего медвежьего угла – шотландского замка, а когда однажды все-таки отважился, то пригласил меня на худшее свидание в моей жизни (потом мы ни разу не говорили об этом).

А теперь он… Да, теперь он парень Сьюзи. Хотя все такой же нескладный и все так же предпочитает шерстяные джемперы, связанные его нянюшкой. Но Сьюзи любит его – и это единственное, что имеет значение.

Просто как «Кошечки»[4 - До предела умильная мыльная опера на британском телевидении.].

Ой, нет, только не плакать. Надо взять себя в руки.

– Харборо-Холл, – читает Люк, притормаживая возле двух рассыпающихся каменных столбов. – Это оно?

– Гм. – Я шмыгаю носом и стараюсь изобразить деловой вид. – Да, оно. Заруливай прямо туда.

Мне не раз доводилось бывать у Сьюзи, но я и забыла, сколь впечатляющее зрелище являет собой ее дом. Мы едем по длинной широкой аллее, обсаженной деревьями, потом выруливаем на подъездную дорожку из гравия. Серый дом огромен, а колонны, увитые плющом, придают ему величественности.

– Прекрасный дом, – замечает Люк, когда мы идем к парадному входу. – Сколько ему лет?

– Не знаю, – рассеянно отзываюсь я. – Он уже многие годы принадлежит их семье. – Я тяну за шнурок дверного колокольчика в надежде, что механизм исправен, – но, увы, толку никакого. На грохот тяжелого дверного молотка тоже никто не отвечает, поэтому я просто толкаю дверь и вхожу в просторный холл, где у камина дремлет старый лабрадор.

– Эй! – кричу я. – Сьюзи!

И тут только замечаю, что у камелька посапывает еще и отец Сьюзи, устроившийся в массивном кресле. Вообще-то отца Сьюзи я немного побаиваюсь. И мне совсем не улыбается его будить.

– Сьюз? – произношу я уже потише.

– Бекс! Я думала, мне послышалось!

Сьюз стоит на лестнице, облаченная в клетчатый халат; белокурые волосы рассыпались по плечам, она взволнованно улыбается.

– Сьюзи!

Я кидаюсь вверх по ступенькам и крепко обнимаю ее. Когда я наконец разжимаю объятия, глаза у нас обеих на мокром месте. Я и не представляла, как сильно по ней соскучилась!

– Пошли ко мне! – Сьюзи тянет меня за руку. – Пошли, посмотришь мое платье!

– Это и в самом деле такая прелесть? – волнуюсь я. – На снимке оно выглядело изумительно.

– Само совершенство! И ты просто должна увидеть: у меня потрясный корсет от Ригби и Пеллера… А эти умопомрачительные трусики…

Люк откашливается, и мы обе оборачиваемся.

– Ой! – смущается Сьюзи. – Извини, Люк. Кофе, газеты и все такое на кухне, это вон там, – она тычет на дверь. – Хочешь, угощайся беконом с яйцами! Миссис Гиринг для тебя все сделает.

– Похоже, миссис Гиринг в моем вкусе, – с улыбкой говорит Люк. – До скорого.

Комната Сьюзи светлая, просторная, окно выходит в сад. Я сказала «сад»? Вообще-то это настоящий парк – тысяч двенадцать акров. Безразмерные лужайки, раскинувшиеся за домом, тянутся до кедровой рощи и озера, в котором Сьюзи едва не утонула, когда ей было три года. А слева от дома разбит розарий – царство клумб, гравиевых дорожек и живых оград; именно там Таркин и предложил Сьюзи руку и сердце. (Кажется, он встал на одно колено, а когда поднялся, вся брючина у него была в грязи. Это так похоже на Таркина.) Справа от дома старый теннисный корт, а дальше, до самой ограды, отделяющей сад от церковного кладбища, растут сорняки. Выглянув из окна, я вижу, что позади дома разбит большой шатер, а за теннисным кортом по траве до самых церковных ворот змеится дорожка с навесом.

– Ты что, собираешься идти в церковь пешком? – Мне становится страшно за туфельки Сьюзи от Эммы Хоуп.

– Что ты, глупышка! Поеду в экипаже. Но гости пойдут обратно в дом, и их будут встречать официанты с подогретым виски.

– Вот это да! – шепчу я, глядя, как человек в джинсах забивает колышек в землю. Как тут не позавидовать! Вот бы и мне изумительно торжественную свадьбу с лошадьми, экипажами и радостной суматохой.

– Правда, замечательно получится? – Сьюзи лучится от счастья. – Все, бегу зубы чистить…

Она исчезает в ванной, а я направляюсь к ее туалетному столику, где к зеркалу прикреплено объявление о бракосочетании. Госпожа Сьюзан Клиф-Стюарт и господин Таркин Клиф-Стюарт… С ума сойти. Я и забыла, что моя подруга такая аристократка.

– Хочу титул, – объявляю я, когда Сьюзи возвращается в комнату с расческой в руке. – А то чувствую себя обездоленной. Как его получить?

– О-ой, не надо. – Сьюзи морщит нос. – Это такая чушь. К тебе будут обращаться в письмах «достопочтенная миледи».

– И все-таки. Это было бы круто. Кем бы мне заделаться?

– Ну… – Сьюзи теребит прядь волос, – леди Бекки Блумвуд?

– Звучит так, будто мне девяносто три года. А как насчет Бекки Блумвуд, кавалера ордена Британской империи пятой степени? Ведь получить пятую степень, кажется, довольно просто?

– Просто, да не очень, – доверительно сообщает Сьюзи. – Ее дают за заслуги в области промышленности или еще какой-то скучищи. Могу выдвинуть твою кандидатуру, если хочешь. А теперь давай, показывай свое платье!

– Сейчас! – Я взгромождаю чемодан на кровать, отмыкаю замки и бережно извлекаю творение Дэнни. – Что скажешь? – Я с гордостью прикладываю платье к себе и взмахиваю подолом из золотого шелка. – Потрясающе, правда?

– Фантастика! – Сьюзи смотрит на платье расширенными глазами. – В жизни не видела ничего подобного! – Она осторожно прикасается к вышивке на плече. – Откуда это? Из «Берниз»?

– А вот и нет, это от Дэнни. Помнишь, я тебе говорила, что он шьет мне платье?

– Точно… – Сьюзи морщит лоб. – Так, Дэнни – это который?

– Мой сосед сверху, – подсказываю я, – модельер. Мы с ним еще столкнулись на лестнице.

– Ах да… Вспомнила.

Но, судя по тону, если она и вспомнила, то смутно.

Не могу винить ее за это – Дэнни она видела каких-нибудь пару минут. Он как раз отправлялся навестить родителей в Коннектикут, а Сьюзи ковыляла по лестнице, горбатясь под своим чемоданом, так что они толком и не разговаривали. И все же… Как странно – Сьюзи почти не знает Дэнни, а Дэнни не знает ее, и оба они так важны для меня. Словно у меня две жизни, и чем дольше я живу в Нью-Йорке, тем больше эти жизни расходятся.

– А вот мое! – с волнением шепчет Сьюзи.

Она распахивает гардероб, расстегивает ситцевый чехол – и я вижу платье ошеломляющей красоты, из зыбкого белого шелка и бархата, с длинными рукавами и шлейфом.

– О боже, Сьюзи… – У меня перехватывает дыхание. – Ты будешь такой красавицей! Я все еще поверить не могу, что ты выходишь замуж! «Миссис Клиф-Стюарт».

– Не называй ты меня так! – кривится Сьюзи. – Так обращаются к моей маме. Но вообще-то это очень удобно – выходить замуж за кого-нибудь из своей семьи, – добавляет она, закрывая гардероб, – потому что фамилия остается та же самая. Так что инициалы на моих рамках прежние – С. К-С. – Она заглядывает в картонную коробку и достает оттуда красивую стеклянную рамку, украшенную узорами из сухих листьев. – Смотри, это новая серия.

Сьюзи сделала карьеру, оформляя рамки для фотографий, которые продаются теперь по всей стране; а в прошлом году она взялась и за фотоальбомы, оберточную бумагу и подарочные коробки.

– Основной мотив – морская раковина, – с гордостью говорит Сьюзи. – Нравится?

– Как красиво! – Я вожу пальцем по завиткам. – Как тебе такое пришло в голову?

– Идею подсказал Тарки. Как-то мы гуляли, и он рассказывал, как в детстве собирал ракушки, говорил о разнообразии форм в природе… И тут меня осенило!

Я смотрю на ее лицо и вдруг представляю себе их с Таркином, в толстых свитерах, бредущих рука об руку по овеваемым ветрами пустошам.

– Сьюзи, как же ты будешь счастлива с Таркином! – вырывается у меня – и это от души.

– Ты так думаешь? – Сьюзи краснеет от удовольствия. – Правда?

– Точно! Достаточно только взглянуть на тебя. Ты же вся светишься.

И правда. Как я сама не заметила раньше – она ведь совсем не похожа на прежнюю Сьюзи. Все тот же изящный нос, высокие скулы – но лицо округлилось, стало как будто мягче. И она все такая же тоненькая, но некоторая полнота… почти… Мой взгляд скользит по ее фигуре вниз – и останавливается.

Минуточку.

Нет. Конечно…

Нет.

– Сьюзи?

– Да?

– Сьюзи, ты… – Я сглатываю. – Ты не… беременна?

– Нет! – С негодованием восклицает Сьюзи. – Конечно, нет! Надо же такое придумать! И с чего ты только… – Она встречается со мной глазами, умолкает и передергивает плечом. – Ну ладно, да. Как ты догадалась?

– Как догадалась? По твоему… То есть видно, что ты беременна.

– Вовсе нет! Никто больше не заметил!

– Наверняка заметили. Это же очевидно!

– Ничего не очевидно! – Сьюзи втягивает живот и смотрится в зеркало. – Ну как? А когда я затяну корсет…

Голова идет кругом. Сьюзи беременна!

– Так это секрет? Твои родители не знают?

– Нет! Никто не знает. Даже Тарки. – Сьюзи строит гримаску. – Это ведь несколько рановато – быть беременной в день свадьбы, да? Я-то хотела притвориться, что ребенок зачат во время медового месяца.

– Но тут же как минимум три месяца.

– Четыре. Ребенок родится в начале июня.

Я во все глаза смотрю на нее.

– И каким образом ты собиралась притвориться? Относительно медового месяца?

– Ну… – Сьюзи с минуту раздумывает. – Это могли быть преждевременные роды.

– На четыре месяца?

– Да никто и считать не станет! Ты же знаешь, какие у меня родители рассеянные.

Что есть, то есть. Однажды они заехали за Сьюзи в пансион, чтобы забрать ее в конце семестра, что само по себе было замечательно, – только она к тому времени уже два года как закончила школу.

– А Таркин?

– А он наверняка понятия не имеет про сроки, – беззаботно отмахивается Сьюзи. – Он ведь овец разводит, а у овец беременность длится месяцев пять. Скажу ему, что у людей примерно так же. – Она снова берется за расческу. – Знаешь, я однажды сказала ему, что девушкам дважды в день нужно есть шоколад, иначе они упадут в обморок, – так он поверил!

По крайней мере в одном Сьюзи права. Когда она затягивает корсет, округлость совершенно незаметна. Утром в день свадьбы, когда мы вдвоем сидим за туалетным столиком и нервно улыбаемся друг другу, Сьюзи кажется гораздо тоньше меня – по-моему, вопиющая несправедливость.

Мы чудесно провели два дня, прогуливаясь, пересматривая по видео старые фильмы и поедая бесконечные «Кит-Кат». (Сьюзи теперь уплетает за двоих, а я восстанавливала силы после трансатлантического перелета.) Люк захватил с собой какие-то деловые бумаги и большую часть времени проторчал в библиотеке, но на этот раз я не бунтовала. Меня так радовала возможность побыть со Сьюзи. Я выслушала ее рассказ о квартире, которую они с Таркином купили в Лондоне, посмотрела фотографии великолепного отеля на Антигуа, где они собирались провести медовый месяц, и перемерила почти все обновки в ее гардеробе.

В доме творится настоящее столпотворение; цветочники, носильщики и родственники прибывают каждую минуту. Как ни странно, никого из домочадцев это, кажется, не беспокоит. Оба дня, что я живу здесь, мать Сьюзи провела на охоте, а отец отсиживался в своем кабинете. Их экономка, миссис Гиринг, занимавшаяся и цветами, и свадебным шатром, и всем прочим, – и та в ус не дула. Когда я поделилась своим удивлением со Сьюзи, она лишь пожала плечами:

– Наверное, просто привыкли к шумным вечеринкам.

Накануне состоялся большой прием для многочисленных родственников Таркина и Сьюзи, съехавшихся из Шотландии; я думала, что разговоров только и будет что о свадьбе. Но сколько бы я ни пыталась привлечь внимание гостей к цветам или обсудить иную романтическую тему, неизменно натыкалась на отсутствующий взгляд. Лишь когда Сьюзи упомянула, что в качестве свадебного подарка Таркин собирается купить ей лошадь, все вдруг оживились и загалдели

о знакомых заводчиках, о купленных конях и о том, какой у их приятеля есть чудесный рыжий жеребец, – Сьюзи он наверняка бы заинтересовал.

Я серьезно. Ни один даже не полюбопытствовал, какое у меня будет платье.

Ну и пусть – мне все равно, потому что смотрится оно чудесно. Мы обе смотримся чудесно. Макияж нам делал профессиональный визажист, а прически – это нечто. А еще позвали фотографа, который снимал так называемую «натуру» – например, как я застегиваю Сьюзи платье (он заставил нас застегивать его трижды, под конец даже неинтересно стало). И теперь Сьюзи охает и ахает над шестью фамильными свадебными тиарами, а я потягиваю шампанское. Чтобы нервы успокоить.

– А как насчет вашей матери? – спрашивает парикмахер у Сьюзи. – Она не желает укладку феном?

– Сомневаюсь. – Сьюзи ухмыляется. – Она не любительница такого.

– Что она наденет? – интересуюсь я.

– Бог ее знает, – пожимает плечами Сьюзи. – Наверное, первое, что попадется под руку.

Наши взгляды встречаются, и я сочувственно хмурюсь. Вчера вечером мать Сьюзи спустилась за стаканчиком виски в широкой юбке в сборку и в узорчатом шерстяном джемпере, украшенном огромной бриллиантовой брошью. Между нами говоря, матушка Таркина выглядела еще похлеще. Понятия не имею, от кого ухитрилась перенять чувство стиля Сьюзи.

– Бекс, а может, ты проследишь, чтобы она не напялила какое-нибудь тряпье, в котором только грядки полоть? – просит Сьюзи. – Тебя-то она послушает, я знаю.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Сомнительно, но попробую.

В коридоре я сталкиваюсь с Люком, бредущим мне навстречу в халате.

– Какая ты красавица, – говорит он с улыбкой.

– Правда? – радуюсь я и делаю пируэт. – Платье – просто прелесть, да? И так хорошо сидит…

– Я не о платье, – произносит Люк, и от огоньков, играющих в его глазах, меня охватывает сладкое волнение. – К Сьюзи можно? – спрашивает Люк. – Я хотел пожелать ей удачи.

– Конечно, заходи. Люк, ты ни за что не догадаешься!

Последние два дня я буквально умирала от желания рассказать Люку о беременности Сьюзи, и эти слова срываются сами собой, прежде чем я успеваю прикусить язык.

– О чем?

– У нее… – Не могу ему сказать, не могу – и все. Сьюзи меня прикончит. – У нее… замечательное платье! – неуклюже выкручиваюсь я.

– Неужели? Грандиозный сюрприз. Что ж, заскочу к ней на пару слов. Увидимся.

Я осторожно приближаюсь к спальне матери Сьюз и тихонько стучу.

– Да-да-а-а? – гудит зычный голос, и Кэролайн, матушка Сьюзи, распахивает дверь.

Ростом она шесть футов, длинноногая, с седыми волосами, собранными в узел, лицо обветренное.

– Ребекка! – грохочет она, приветливо улыбается и бросает взгляд на часы. – Вроде еще не пора?

– Не совсем. – Я улыбаюсь в ответ и окидываю взглядом ее костюм: видавшая виды темно-синяя фуфайка, бриджи и сапоги для верховой езды. Для женщины ее возраста фигура у Кэролайн изумительная. Неудивительно, что и Сьюзи такая стройная. Я осматриваюсь по сторонам и не обнаруживаю в комнате ни свертков с нарядами, ни шляпных картонок.

– Я о чем, Кэролайн… Просто хотела узнать, что вы сегодня наденете. Вы же мать невесты!

– Мать невесты? – Кэролайн озадаченно таращится на меня. – Господи, ну конечно же. Как-то не смотрела на это с такой точки зрения.

– Ну как же! И у вас, наверное… уже подходящее платье готово?

– Но ведь одеваться, по-моему, еще рановато? Просто накину что-нибудь перед самым выходом.

– Давайте помогу вам выбрать, – твердо говорю я, шагаю к гардеробу, распахиваю дверцу, готовая к любым потрясениям, – и открываю рот от изумления.

Поверить не могу. Наверное, это самая невообразимая коллекция нарядов, какую мне доводилось видеть. Амазонки, бальные платья, костюмы в стиле тридцатых годов теснятся вместе с индийскими сари, мексиканскими пончо и целой армией туземных украшений.

– Вот это да… – выдыхаю я.

– Знаю. – Кэролайн окидывает свои шмотки небрежным взглядом. – Ворох старых тряпок.

– Старых тряпок? Да в нью-йоркских магазинах такое не отыщешь… – Я вытаскиваю светло-голубое атласное платье, отороченное лентами. – Это же фантастика!

– Тебе нравится? – удивляется Кэролайн. – Забирай.

– Не могу!

– Деточка, мне оно не нужно.

– Но хоть из сентиментальности… Я имею в виду – как воспоминание…

– Воспоминания у меня здесь, – Кэролайн хлопает себя по голове, – а не тут. – Она оглядывает залежи одежды и поднимает какой-то костяной огрызок на кожаном шнурке. – А вот это я действительно люблю. Это подарил мне вождь Масаи много лет тому назад. Мы выехали на рассвете, чтобы отыскать стадо слонов, и вождь остановил нас. Женщина из их племени лежала в горячке после родов. Мы помогли сбить температуру, и племя почтило нас своими дарами. Вы не были в Масаи Мара, Ребекка?

– Э-э… нет. Вообще-то я никогда не была в Аф…

– А вот это – прелесть… – Кэролайн берет украшенный вышивкой кошелек. – Я купила его на базаре в Копуа. Сторговалась за последнюю пачку сигарет. Не бывали в Турции, Ребекка?

– Нет, и там не бывала. – Мне становится неуютно. Путешественница из меня никудышная. Я роюсь в памяти, пытаясь отыскать что-нибудь, что произвело бы впечатление на Кэролайн, но перечень оказывается блеклый. Франция, Испания, Крит… Все в этом духе. Почему я не исколесила Монголию?

Если уж на то пошло, однажды я надумала махнуть в Таиланд. Но вместо этого отправилась во Францию и потратила все отложенные на отпуск деньги на сумочку от Лулу Гиннесс.

– Я не очень много путешествовала, – неохотно признаюсь я.

– Надо, девочка моя дорогая! Надо расширять свой кругозор. Узнавать жизнь по настоящим людям. Одна из самых близких моих подруг на земном шаре – крестьянка из Боливии. Мы вместе толкли маис в льяносах.

– Ого…

Часы на каминной полке напоминают, что уже половина первого, и я спохватываюсь, что мы так и не сдвинулись с места.

– Так о чем я… У вас были какие-нибудь идеи насчет наряда на свадьбу?

– Что-нибудь теплое и красочное, – объявляет Кэролайн и тянет из шкафа красно-желтое пончо.

– Гм… Не уверена, что это будет к месту… – Я раздвигаю ряды жакетов и платьев и замечаю шелковую ткань абрикосового цвета. – О! Как красиво! – Вытаскиваю наряд – и не верю своим глазам. Баленсиага!

– Дорожный костюм, – мечтательным тоном произносит Кэролайн. – Мы поехали восточным экспрессом в Венецию, а потом обследовали пещеры Постойна[5 - Знаменитые пещеры в Словении, одни из самых глубоких в мире.]. Знаете эти места?

– Вы должны надеть это! – От возбуждения у меня срывается голос. – Вы будете такая эффектная! И это так романтично – облачиться в свой дорожный костюм.

– Пожалуй, это будет занятно. – Кэролайн прикладывает к себе костюм, и от вида ее красных, задубелых рук меня, как всегда, пробирает дрожь. – Все еще впору, да? Еще где-то здесь должна быть шляпа… – Она откладывает костюм и шарит в шкафу.

– Вы, наверное, очень рады за Сьюзи, – говорю я, разглядывая эмалевое зеркальце.

– Таркин замечательный мальчик. – Обернувшись, Кэролайн постукивает пальцем по своему носу-клюву. – И очень хорошо оснащенный.

Действительно, Таркин числится пятнадцатым, или что-то около того, из самых богатых людей в стране. Но удивительно, что это отметила мать Сьюзи.

– Ну да… – бормочу я. – Хотя я не думаю, что Сьюзи нуждается в деньгах…

– Я не о деньгах. – Кэролайн многозначительно улыбается – и до меня наконец доходит.

– Ой! – Кажется, я отчаянно краснею. – Точно. Понятно.

– У Клиф-Стюартов все мужчины такие. Они этим славятся. Ни единого развода в роду, – прибавляет Кэролайн, водружая на голову зеленую фетровую шляпу.

Ничего себе. Теперь я взгляну на Таркина совсем иными глазами.

Некоторое время уходит на то, чтобы отговорить Кэролайн от зеленой фетровой шляпы в пользу элегантной черной. Когда же я иду по коридору обратно в комнату Сьюзи, из холла внизу доносятся знакомые голоса.

– Это всем известно. Ящур был вызван почтовыми голубями.

– Голубями? Ты хочешь сказать, что эпидемия, опустошившая скотные дворы по всей Европе, была вызвана несколькими безвредными пичугами?

– Безвредными? Грэхем, это же паразиты!

Мама с папой! Я кидаюсь к перилам. Вот они, стоят у очага! Папа в своем обычном костюме, с цилиндром под мышкой, и мама в темно-синем жакете, цветастой юбке и ярко-красных туфлях, не совсем совпадающих по оттенку с красной шляпой.

– Мама?

– Бекки!

– Мама! Папа! – Я сбегаю по ступенькам и заключаю их в объятия, вдыхая знакомые запахи талька «Ярдли» и одеколона «Твид».

Поездка становится все более волнующей. Я не виделась с родителями с тех пор, как они навещали меня в Нью-Йорке четыре месяца назад. Да и тогда они задержались всего на три дня, прежде чем отправиться во Флориду.

– Мам, ты выглядишь потрясающе! Ты что-то сделала с волосами?

– Морин их немного высветлила. – У мамы польщенный вид. – И я заскочила к Дженис, соседке, чтобы она меня накрасила. Знаешь, она ведь закончила профессиональные курсы макияжа. Она настоящий специалист!

– Я… заметила… – слабым голосом произношу я, глядя на устрашающие полосы румян и маскировочного карандаша на маминых щеках. Может, удастся их стереть как бы ненароком.

– А Люк здесь? – Мама озирается, точно белка, высматривающая орех.

– Где-то тут, – говорю я и замечаю, как родители обмениваются взглядами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Популярная программа на Би-би-си, в которой антиквары-профессионалы разъезжают по стране и оценивают старинные предметы, картины и т. п. – Здесь и далее примеч. ред.

2

Известный магазин свадебных туалетов.

3

Герой фильма Джорджа Лукаса «Звездные войны», молодой и талантливый джедай.

4

До предела умильная мыльная опера на британском телевидении.

5

Знаменитые пещеры в Словении, одни из самых глубоких в мире.

Купить: https://tellnovel.com/sofi-kinsella/shopogolik-i-brachnye-uzy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити